

СОВЕТИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Создавая свой текст, писатель обращается – сознательно или бессознательно – к тому, что можно назвать культурным кодом. В.В. Красных объясняет это тем, что «лингво-культурный план дискурса непосредственно связан с сознанием говорящего, с теми знаниями и представлениями, которые языковая личность приобретает в процессе социализации и которые представляют собой основу того «культурного массива», который транслируется от поколения к поколению в рамках одного этноса» [Красных 2001: 74]. Об особенности писательского метаязыкового сознания говорит М.В. Ляпон: «Автор выступает комментатором собственного текста прежде всего там, где имеет место раздвоение оцениваемого: специальным объектом внимания говорящего оказывается не само обозначаемое, а используемая словесная формула (способ вербализации, языковое оформление сообщаемого), например, оценивается метафорическое или буквальное употребление слова, языковое достоинство предлагаемой вербализации, её стилистические свойства, место в языковом коде (стандартность/нестандартность и т.п.), степень соответствия используемой лексической и фразовой номинации сущности обозначаемого» [Ляпон 1986: 54].

Отличительной чертой произведений писателей-диссидентов, творивших как в советское, так и в постсоветское время и стремившихся «любой ценой де-завуировать тоталитарный режим» (С. Довлатов), является наличие рефлексии над советизмами. Под советизмами мы понимаем не только слова и выражения, актуальные в советское время, но и вербальные и невербальные знаки как факты советской культуры. Такое широкое толкование термина имплицитно содержится в работе И.Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского язы-

ка советской эпохи»: «Многие слова, являясь отражением нового уклада жизни, новых отношений, явлений и фактов советского времени, несут на себе приметы нашей советской эпохи и потому с полным правом могут быть названы несколько редко употребляемым термином «советизмы», ибо эти слова дают наименования характерных особенностей, присущих именно советской действительности» [Протченко 1975: 29-30].

В языковой рефлексии отражается критически-оценочное отношение как к явлениям советской действительности, так и к языку советского периода. Материалом для доклада послужили произведения А. Галича, С. Довлатова, М. Веллера. Обращение к творчеству этих писателей объясняется тем, что они объединены общим культурным кодом и в то же время различаются временем создания основных произведений: Галич – 1962-1975 гг., Довлатов – 1975-1985 гг., Веллер – 90-е гг. Это позволит хотя бы в общих чертах выявить своеобразие рефлексии у названных писателей, форм её реализации и выявить круг языковых и культурных явлений, которые подвергаются рефлексивному осмыслению. В произведениях Галича, Довлатова и Веллера представлен главным образом комический вид рефлексии. Доминирующий вид комической рефлексии – ирония, которая служит ведущим средством выражения авторской модальности. Ирония как один из способов реализации рефлексии над советским рассматривается Е.А. Земской: «Иронизация может создаваться не изменением широко известного официального выражения, но помещением его в чуждый ему сниженный, пародийно ориентированный контекст» [Земская 1996: 22]. Рефлексия А. Галича главным образом проявляется в иронии. В его сатирических стихах больше реакции на реальность, чем на язык. В качестве иллюстрации приведём комментарий Б. Сарнова к стихотворению Галича: «Взять хотя бы такие – вполне обыденные – новоязовские словосочетания: «культурный досуг», «здоровый сон». Ничего специфически советского в этих выражениях как будто бы нет... Но вот как звучат они в результате лёгкого иронического смещения на фоне языковой нормы:

И где-нибудь, среди досок,

Блаженный, приляжет он.

Поскольку –

Культурный дОсуг

Включает здоровый сон...»

[Сарнов 2002: 13]

Отчасти это смешение достигается изменением ударения в слове «досуг». В следующем примере ирония создаётся за счёт использования просторечной грамматической формы – заменой [ы] на [и] в окончаниях, «номенклатурной» лексики (*топтун*, *холуи*) и обозначения советских привилегий:

...Она вещи собрала, сказала тоненько:

«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!

Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,

А что у папи её топтун под окнами.

А что у папи у её дача в Павшине,

А что у папи холуи с секретаршами,

А что у папи у её пайки цековские

И по праздникам кино с Целиковскою!

(«Городской романс»)

Показателем иронии может быть намеренное введение в повествование прецедентных текстов: *В Ленинграде есть особая комиссии по работе с молодыми авторами. Однажды меня пригласили на заседание этой комиссии. Члены комиссии задали вопрос: «Чем можно вам помочь?» «Ничем», – сказал я. «Ну а все-таки? Что нужно сделать в первую очередь?» Тогда я им ответил, по-ленински грассируя: «**В пегвую очегедь?.. В первую очередь нужно захватить мосты. Затем оценить вокзалы. Блокировать почту и телеграф...**» Члены комиссии вздрогнули и переглянулись... (Довлатов «Ремесло»).*

Наиболее распространенным видом комической рефлексии является языковая игра (далее – ЯИ), «деидеологизация» советизмов.

В коллективной монографии «Русская разговорная речь» ЯИ понимается как «игра с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает

эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.п.)» [Земская и др. 1983: 172]. В.З. Санников в своей книге «Русский язык в зеркале языковой игры» ЯИ определяет как «отступление от нормы, нечто необычное» [Санников 1999: 13]. Т.А. Гридина видит в ЯИ проявление «адогматического речевого поведения, основанного на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающего творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей» [Гридина 1998: 239]. Объектом ЯИ могут быть разные единицы языка и языковые явления.

1. Обыгрывание звуковой структуры слова приводит к актуализации его значения: *Я слышал, он [врач Явшиц] Максима Горького загубил, ещё когда был врагом народа. А в шестидесятом ему помиловка вышла...Леа...реа...реалибитировали его* (Довлатов «Зона»). В другом примере в результате употребления предлога «с» вместо «из» образуются омофоны – средство создания комического эффекта: – *Говорят с Таллинна*, – *заявил Быков*ер, *оставаясь евреем при всей своей эрудиции*. – *Говорят с Таллинна*, – *произнёс он*. В ответ прозвучало: – *«Дорогой товарищ Сталин! Свободолюбивый народ Болгарии приветствует вас. Позвольте от имени трудящихся рапортовать...»* – *Я не Сталин*, – *добродушно исправил Быков*ер, – *я – Быков*ер. *А звоню я то, что хорошо бы...Через сорок минут Быков*ера арестовали. *За кощунственное сопоставление. За глумление над святыней. За идиотизм* (Довлатов «Компромисс»).

2. Показателем ЯИ является разрушение устойчивого словосочетания или фразеологизма: а) при замене одного слова другим того же семантического поля выражение приобретает комическую окрашенность: – *Рано, Владимир Ильич, рано...Вот покончим с меньшевиками, обезглавим буржуазную кобру...* – *Не кобру, а гидру*, – подсказал Хуриев. – *Один чёрт*, – *махнул рукой Дзержинский* (Довлатов «Зона»); б) разрушение фразеологической единицы осуществляется на основе паронимии слов *укрон/упрёк* и паронимии *лазунчи-*

ки/лазутчики: – Сколько же они народу передавали? Кто? – не понял я. – Да эти барбосы... Ленин с Дзержинским. **Рыцари без страха и укропа** (Довлатов «Зона»); – Не могу, Владимир Ильич, контрреволюция повсюду. Меншевики, эсеры, буржуазные **лазунчики**... – **Лазутчики**, – поправил Хуриев (Довлатов «Зона»).

3. В следующих примерах ЯИ основана только на паронимазии (сближение сходно звучащих слов с разными корнями [политрук/полутруп], [декларация/дефлорация]): На двери комнаты в коммунальной квартире висит объявление: «Здесь отдыхает **полутруп**. Соблюдайте тишину!» И вдруг наступила тишина. Это было неожиданно и странно. Тихомиров бродил по коридору в носках, хватал всех за руки и шипел: – Тихо! У Довлатовой ночует **политрук**! (Довлатов «Наши»); Герой романа «Иностранка» пишет книгу «Секс при тоталитаризме», основываясь на методе социологического опроса: «Он скороговоркой произнёс в микрофон: – Объект четыреста тридцать девять. Шестнадцатое апреля восемьдесят пятого года. Форест-Хиллс, Нью-Йорк, Соединённые Штаты Америки. Беседу ведёт Натан Зарецкий. И дальше, повернувшись к Марусе: – Сколько вам лет? – Тридцать четыре. – Замужем? – В разводе. – Имели половые сношения до брака? – До брака? – Иными словами – когда подверглись **дефлорации**? – Чему? – Когда потеряли невинность? – А-а... Мне слышалось – **декларация**...» (Довлатов «Иностранка»). Средством создания ЯИ в произведениях Довлатова могут также стать паронимы и паронимазы, возникшие в результате орфографических опечаток: «**Главномкомандующий**» – такое длинное слово, шестнадцать букв. Надо же пропустить именно букву «л». А так чаще всего и бывает. (О работе корректора в партийном издательстве); Коммунисты **осуждают** решение партии (вместо **обсуждают**); Большевицкая **каторга** (вместо **когорта**).

4. Распространенный вид ЯИ – обыгрывание многозначности слова или актуализация только одного значения многозначного слова: – Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поезд-

ки на **Запад**, в ГДР... – Разве ГДР – это **Запад**? – А что же это, по-вашему? – Вот Япония – это **Запад**! – Что?! – испуганно вскричал Туронок. – В идейном смысле, – добавил я (Довлатов «Компромисс»); Кипарисовую аллею вырубili. Начали **сажать** эвкалиптовые деревья. К сожаленью, они не прижились. И что же в результате? Начали **сажать** агрономов. (Довлатов «Ремесло»); – Десять лет, – зловеще подытожил контрразведчик. – Десять лет строгого режима за нелегальный переход границы приотягчающих обстоятельствах. И ты хочешь сказать, что предпочёл 10 лет лагеря жизни здесь? – Я не знал... за что... – А ты что думал – по головке тебя поглядят?! – Что же мне делать?.. – **Колоться!** – Чем?.. – Что – чем!! **Сотрудничать! Рассказывать всё! Чистосердечно признаться!** (Веллер «Саги о героях»). В последнем примере сталкивается актуальное в советское время значение слова с первичным: – Их послушать, – рассердился Воликов, – каждый сидит ни за что. А шпионов я вообще не обожаю. И **врагов народа** тоже. – Ты их видел? – спрашиваю. Тут попался мне один еврей, завбаней. Сидит за развращение малолетних. – Какой же это **враг народа**? – А что, по-твоему, **друг**? (Довлатов «Зона»). Оценку последнему языковому клише можно найти у Б. Сарнова: «Ужаснее всего было то, что формула эта была усвоена (принята, узаконена) языком, а значит, в какой-то степени и народом. И должно было пройти три десятка лет – целая историческая эпоха! – чтобы этому словосочетанию был возвращён его истинный смысл» [Сарнов 2002: 34].

5. Комический эффект возникает в результате смешения разных стилей речи – разговорного и канцелярского: а) канцеляризм вводится в контекст авторской разговорной речи: *Кроме того, в одиночестве – пил, если мешали – дрался. А также допускал – «инциденты женского порядка».* (По выражению замполита Хуриева). (Довлатов «Зона»); *Таня продиктовала мне несколько казенных фраз. Я запомнил такую формулировку: «...Ребенок в количестве одного»* (Довлатов «Компромисс»); б) официальный жанр объяснительной записки разрушается путем контаминации двух фразеологизмов (не) *ударить в грязь лицом* и *уронить достоинство (честь)*: *Густав смущался, просил лист бумаги*

и коряво выводил: *Вчера, сего года, я злоупотребил алкогольный напиток. После чего уронил в грязь солдатское достоинство. Впредь обещаю. Рядовой Пахатиль* (Довлатов «Зона»).

В произведениях Веллера встречаются примеры иронии над идиоматическими выражениями и лозунгами советского периода. Отличительная черта этих советизмов – доминирование патетики над смыслом, а в большинстве случаев – наличие экспрессии при отсутствии денотата. В советское и особенно в постсоветское время реакция на такие единицы выражалась в их деидеологизации т.е. «в стремлении языковыми средствами разрушить тот слой «слов-фантомов», который был призван идеологизировать массовое сознание» [Мокиенко 2003: 56]. К деидеологизации приводит помещение их в определенный контекст: *Философская подоплёка артиллеризма яснее всего проявилась в лозунге, некогда алевшем над пушками у входа в Первое высшее Ленинградское артиллерийское училище: «Наша цель – коммунизм!»* (Веллер «Гонец из Пизы»); *Собор выполнял официальную функцию Музея истории религии и атеизма, а его завхоз – функцию снабженца дачных строек, продавая кровельную жечь, доски, кафель и цемент...В результате проведенной в соборе реставрации образовались дача, машина и беременная машинистка. Музею остались запах опиума для народа и выбранные на 10 лет вперёд фонды* (Веллер «Гонец из Пизы»).

В произведениях Довлатова и Веллера встречается метаязыковая рефлексия, которая делает слово одним из «героев» текста. «Высказывания, эксплицитно выражающие оценку употребляемому слову, мы назвали «текстами-рефлексивами» [Вепрева 1998: 224]. «Текстами-рефлексивами» выступают:

1) толкование слов, или «метаязыковой комментарий», когда «субъект речи может комментировать слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нём какую-либо информацию» [Вепрева 2003: 11]: *Все надо было «доставать». А «доставать» означает: кроме того труда, который ты потратил на получение денег, ты должен потратить на дополнительный труд: на «сувениры» и разные формы подношений, на заведение и поддержание свя-*

зей, на езде к чёрту на кулички и стояние в очередях – вот тогда, с этим дополнительным трудом, ты что-то заимеешь (Веллер «Чёрный принц политической некрофилии»); А одновременно «отправить на Луну» – один из эвфемизмов гражданской войны и первых советских лет, не самый распространенный типа «в штаб Духонина», «налево» или «в Могилёвскую губернию», «в расход», но тоже имел место – расстрелять, значит (Веллер «Не ножик не Серёжи не Довлатова»); Постепенно он стал «ленинианцем». То есть создателем бесконечной и неудержимой ленинианы (Довлатов «Чемодан»); Лёве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник – **молотовист**. В начале своей карьеры Лёва рисовал исключительно Молотова. Его работы экспонировались в бесчисленных домоуправлениях, поликлиниках, месткомах. Даже на стенах бывших церквей (Довлатов «Иностранка»). В следующем примере рефлексия над действительностью и рефлексия над словом, её отражающим, совмещены: Итак, проголосовали за бюст. Стали выбирать скульптора. Всем хотелось талантливого и недорогого. И районное управление культуры такого посоветовало. Человек был уже немолодой, когда-то кончил знаменитое Мухинское училище в Ленинграде и всю жизнь зарабатывал на хлеб Лукичом. Лукичом скульпторы советской эпохи называли промеж собой Ильича; это был профессиональный жаргон. Ещё Ильича называли «Кормилец» – не за то, что кого-то накормил, а за то, что кормились им: лепить его приходилось часто, скульптуры Лукича втыкали где только можно, и денег на них отпускали не скупясь (Веллер «Памятник Дантесу»);

2) «метаязыковая интерпретация» [Вепрева 2003: 11], включающая оценку отдельных лексических единиц, наименований художественных произведений, учреждений: Но правый фланг закованных в броню словоносцев возглавляли Горький, Фадеев и Полевой. И ударная шеренга **гоплитов** (а каково дивное и подходящее слово «гоплит»!..) – подзабытые Кочетов, Марков, Бубеннов, Павленко (Веллер «Песнь торжествующего плебея»); Я перелистал ленинградские журналы. Тяжёлое чувство охватило меня. Не просто дрянь, а какая-то безликая вязкая серость. Даже названия почти одинаковые: «Чайки летят к го-

*ризонту», «Отвечаю за всё», «Продолжение следует», «Звёзды на ладони», «Будущее начинается сегодня»... Будет ли этому конец?!.. (Довлатов «Ремесло»); Университет имени Жданова. (Звучит не хуже, чем «Университет имени Аль Капоне») (Довлатов «Ремесло»); **Функционер** – очень ёмкое слово. Занимая официальную должность, ты становишься человеком функции. В угоду функции твои представления незаметно искажаются. И ты уже не принадлежишь себе (Довлатов «Ремесло»);*

3) объяснение причины наименования учреждения или человека: *Вот после этой самой истории КГБ и потрясло Интурист, что в результате кончилось снятием и посадкой за миллионные хищения бессменного директора Ленинтуры Ванюшина и воцарением в его кресле верного номенклатурищика Сорокина. И Интурист в Питере стал называться не «**Дети Ванюшина**», а «**Сорочинская ярмарка**» (Веллер «Пьяная травма»); Свой псевдоним – **Феликс Дзержинский** – он взял от названия тяжёлого грузового паровоза ФД и первого советского фотоаппарата ФЭД, которым и делались отредактированные изображения паровоза, который летел вперёд вплоть до полной остановки в коммуне... (Веллер «Красная редактура»).*

В произведениях Веллера чаще всего совмещается оценка реалии и слова. Это выражается в выборе определённых номинаций, которые являются словами-рефлексивами: жидовоз: *Уже пришёл вызов. И было получено разрешение, и куплены билеты на «жидовоз» Ленинград – Вена, что празднично и нагло взмывал по четвергам из Пулкова («Саги о героях»); совок и гэбэшник: *При каждой гостинице, в каждом интуристовском кабаке, сидели гэбэшники: по штату надзирали за контактами иностранцев с совками («Саги о героях»); мясорубка: *Ла-Мани, из любви к истории заметим, снят с английской стороны, потому что глаз Даяну вышибли в сороковом году немцы в Дюнкерке, боевое ранение, они там вообще всех англичан вышибли со страшной силой вон за пролив, мясорубка знаменитая («Саги о героях»); Софья Власьевна – «**Советская Власть**»: *Драпануть бы, так ведь не пускают уж никуда. Не впускают, в смысле. Не то, что раньше: везде объятия раскрывали жертвам Софьи Влась-****

евны («Легенда о заблудшем патриоте»); коммуниздить: Жена с ним не выдержала, ушла. Он её метелил дико. Как нажрётся, так и коммуниздит («Артист»); святыня нашего города – «**памятник Ленину**»: – У вас есть друг – иностранец? Кто? Где вы его взяли – на улице? – На улице, – сказал Фима. – И каким образом? – Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала? – И что же? – Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года («Саги о героях»); Редакционный Совет Фантастических Социалистических Республик – «**РСФСР**», Клуб Героев Безошибочности – «**КГБ**»: О важности поста и деятельности редактора в РСФСР (Редакционный Совет Фантастических Социалистических Республик) наглядно свидетельствовал один уже тот факт, что огромный памятник Дзержинскому все десятилетия Советской власти высился в центре площади его имени перед небоскрёбом Клуба Героев Безошибочности, или просто КГБ, как позднее стала именоваться Главная редактура... («Красная редактура»); по ленинским местам: Дёргается он с диким воплем, смахивает кастрюлю, шпарится кипятком да по ленинским местам, орёт непереносимо, а кастрюля гремит по полу, и голова недоваренная катится («Голова»); Когда-то к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, когда творческие работники всех искусств вносили всемерный вклад в мировую сокровищницу ленинианы, за что и получали премии имени Ленина, ходила масса анекдотов, отражавших безмерную любовь населения к вождю мирового пролетариата... там фигурировали духи «Запах Ильича», мыло «По ленинским местам», трёхспальная кровать «Ленин всегда с нами», ...скороходовские ботинки «Ленинский путь» («Гонец из Пизы»).

В произведениях Довлатова встречается рефлексия над реалиями советской жизни: – Учтите, письмо должно быть личным. Я кивнул. – Но при этом его будет читать вся страна. Я снова кивнул. – Это должен быть рапорт... Я кивнул в третий раз. – Но рапорт самому близкому человеку. Еще один кивок («Компромисс»); Я зашел в хозяйственную лавку. Приобрел конверт с изображением Магеллана. Спросил зачем-то: – Вы не знаете, при чем тут

Магеллан? Продавец задумчиво ответил: – Может, умер...**Или героя дали...**(«Заповедник»); На первом этаже возвышался бронзовый Ленин. На втором – тоже бронзовый Ленин, поменьше. На третьем – Карл Маркс с похоронным венком бороды. – Интересно, кто на четвертом **дежурит?**– спросил, ухмыляясь, Жбанков. Там снова оказался Ленин, но уже из гипса («Компромисс»); – Вы перепутали страны народной демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять **по алфавиту?** Забудьте это **оппортунистическое слово!** Вы работник партийной газеты. Венгрию – на третье место! Там был путч. – А с Германией война. – Не спорьте! Зачем вы спорите?! Это другая Германия, другая! («Компромисс»).

Предметом шутки у Довлатова могут быть революционные имена: *Давайте познакомимся. – Аврора*, – сказала она, протягивая липкую руку. – А я, – говорю, – **танкер Дербент**. Девушка не обиделась («Заповедник»).

Таким образом, А.Галич, С.Довлатов и М.Веллер критически относились не только к советской действительности, но и к официальному языку. Будучи талантливыми писателями и яркими языковыми личностями, они в разных формах языковой рефлексии трансформировали советский языковой стандарт. Своеобразие проявляется в склонности Галича к иронии, Довлатова – к языковой игре, Веллера – к деидеологизации идеологием.

Список литературы:

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
2. Веллер М. Собрание сочинений в 9 тт. – СПб.: Фолио, 2003.
3. Вепрева И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991-2002 гг.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени д-ра филолог. наук. – Екатеринбург, 2003.

4. Вепрева И. Т. О языковой рефлексии в современной русской речи // Семантика языковых единиц: доклады VI Междунар. конференции. Том II. – М., 1998.
5. Галич А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 25. – М.: Эксмо, 2003.
6. Гридина Т. А. Принципы ЯИ и ассоциативный контекст слова в художественном тексте // Семантика языковых единиц. Доклады 6 Междунар. конференц. – М., 1998. – Т.2.
7. Довлатов С. Собрание сочинений в 3-х тт. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995.
8. Земская Е. А. Новояз, new speak, nowotowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996.
9. Земская Е. А. и др. Языковая игра. // Русская Разговорная Речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983.
10. Красных В. В. Анализ дискурса с точки зрения национально-культурных составляющей // Русский язык: история судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / Под общей ред. М. А. Ремневой и А. А. Поликарпова. – М., 2001.
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст; к типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986.
12. Мокиенко В. М. Депатетизация патетизмов в современном тексте // Современные языковые процессы. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003.
13. Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М.: Политиздат, 1990.
14. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
15. Сарнов Б. М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Материк, 2002.